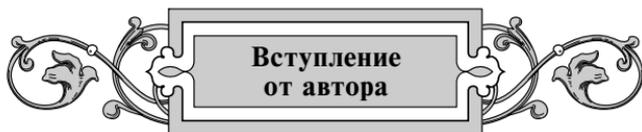

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

Крещение Руси

До недавнего времени это событие считалось началом отечественной культуры и государственности.

И вдруг всё изменилось.

Теперь отсчет велено начать с другой даты, по-своему тоже замечательной: призвания варягов во главе с Рюриком.

О причине подобной смены приоритетов догадаться несложно. Процессы, разорвавшие единство Советского Союза — прямого территориального наследника Великой Российской империи, привели к тому, что Киев теперь — вне территории России. Весьма обидно для тех, кто привык исчислять генеалогию от великого князя Владимира. Князя киевского. Однако для мировой истории этакий фортель — обычное дело. Императорам Восточной Римской империи, считающим себя (и не без оснований) законными наследниками великого Рима, тоже, полагаю, было неприятно видеть в Риме завоевателей-германцев. Но никому из них не пришлось в голову перенести точку исторического отсчета римской государственности в какое-нибудь другое, подвластное константинопольским императорам, место. Или начать отсчет римской истории, скажем,

с падения Трои. А троянца Энея объявить первым настоящим римлянином.

Однако не объявили. Даже не пытались. Потому что речь шла не о родоначальнике (тут первенство Энея трудно оспаривать), а о рождении государства. Великой Римской империи. В делах же государственных, равно как и в прочих больших и малых играх, львиная (и заслуженная) доля славы достается не тем, кто ввел мяч в игру, позаботился о доставке его к воротам противника, и даже не автору голевого паса, а тому, кто забил гол. И это справедливо. Промახнись он — и все предыдущие усилия бесполезны.

Но попробуем разобраться: действительно ли Владимир — тот, кто «забил» наш исторический «гол» и создал Государство? Он ведь далеко не первый в ряду славных киевских (Рюрик, кстати, единственное исключение) князей.

Олег, Игорь, Ольга, Святослав — все они жили раньше Владимира. И Русь при них уже была. Как социальная группа — точно. Зафиксировано независимыми источниками. И зависимыми тоже.

Так кто же из них, великих и славных? Если не Владимир, то кто и когда?

Что же говорит по этому поводу наша «базовая» Повесть временных лет?

«В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим...»

Вполне определено. 862 год. Правда, ничего не говорится о том, что это была за Русь и кто ее возглавлял. Но уже ясно, что не Рюрик.

Выходит, Русь была еще до призвания варягов. И представляла серьезную силу, если даже ромеи соизволили ее заметить. Но можно ли верить нашему главному отечественному хронисту?

Я далек от того, чтобы считать ПВЛ безупречным источником. Порой фантазия того, кого принято называть Нестором-летописцем, ничем не уступает оной у популярных ныне Фоменко с Носовским, пусть даже цели у древнего хрониста и были куда благороднее. Однако, если уж брать за основу наш главный и непогрешимый, если верить школьной программе, литературный источник — Повесть временных лет (а тема Рюрика исходит именно оттуда), то 852 год — самый подходящий.

Но — не подошел.

862-й показался перспективнее.

Почему?

Что говорит нам ПВЛ?

А она говорит: грабили предков будущих российских граждан все кому не лень.

«...Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с поля, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма...»

А в году 6370-м, а по нынешнему исчислению 862-м, случились события поистине замечательные.

«...Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть».

Но, к сожалению, недолго. К тому же году относится и другая запись:

«...и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Вот так и возник в нашем историческом прошлом князь Рюрик.

Лично мне версия, предложенная ПВЛ, кажется сомнительной. Даже если забыть о той «руси», что, по мнению летописца, громила византийцев десять лет назад, идея о том, что словенско-чудский племенной конгломерат признал себя неспособным к мирному сосуществованию, учредил общее (!) посольство, и не к кому-нибудь, а к своим исконным врагам, — предложением взять их, бестолковых, «под крышу», такая идея, на мой взгляд, абсолютно фантастична. Другое дело, если уже имеется некий лидер, окучивающий оные племена, но нуждающийся в сильном союзнике. Тогда — нормально. И выбор тоже пра-

вильный. Викинги — серьезные парни. Есть, кстати, и кандидат подходящий, Гостомысл. Но об этом — ниже. Вернемся к базовому варианту Повести временных лет.

Так вот, согласно «главной» ПВЛ, в 862 году пришли (точнее, вернулись, потому что чуть раньше, но в этом же 862-м им дали коленкой под зад) на земли нынешнего Северо-Запада чужаки-иноплеменники варяги — и навели порядок. Создали государство русское, а впоследствии — Великую Российскую империю. И имя свое оному государству дали.

«И от тех варягов прозвалась Русская земля, — вопреки собственному утверждению, сообщает летописец, и особо уточняет: — Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Но все же попробуем разобраться, каким именно было «бытие» тех, кто «были прежде». Определим, так сказать, уровень их «не знавшей порядка» организации.

Но сначала уточним, что есть государство. В нескольких словах.

Единый лидер, единый закон, единый язык, единая (основная) культура, единая финансовая система.

Было? Было! Не то чтобы очень большое, но — да. И столица у этого протогосударства имелась. Ладога. Которая была (и есть, отмечу) устроена существенно раньше 862 года. Насколько мне известно, именно Ладога занимала среди окрестных земель лидирующую роль. Даже собственную валюту изготавливала — стеклянные бусины (высокие технологии по тем временам), валюту достаточно «твердую», чтобы приобретать на нее реальные ценности.

Вот доказательство «первородства» Ладоги покруче, чем очередная фиктивная могила «киевского князя» или «княгини».

Но раз прототип государства существовал и до 862 года, то в чем историческая заслуга Рюрика сотоварищи? В том, что они заняли ключевые места (вытеснив коренное население) и замкнули на себя «финансовые» потоки?

Весьма интересный вариант «основателей» получается.

Если исходить из подобной логики, то историю, например, Британии следует начать с того момента, когда ее захватили норманны Вильгельма Завоевателя.

Раньше, мол, были тут всякие англсы и саксы, а теперь править будут правильные парни скандинавского корня.

Но почему-то никто не стал переименовывать Великобританию в Великоноormanдию, а британцев до сих пор называют англосаксами.

Многие мне возразят: неудачный пример. Вильгельм Британию завоевал в бою, разгромив английского короля Гарольда, причем напав на Гарольда сразу после того, как тот в тяжелейшей битве разбил другого претендента на Англию — короля Норвегии Харальда Сурового. А Рюрик получил новых данников вполне мирно — был приглашен союзом разодравшихся (чувствуете, какой оксюморон) племен или (куда более вероятно) был призван «на царство» местным правителем — князем Гостомыслом. Ну так давайте с него, Гостомысла, и начнем «исторический отсчет». Если уж он призвал Рюрика править, значит, было куда и чем. Чем плох «день Гостомысла»? А поскольку точной, с указанием года, датировки вокняжения оного Госто-

мысла не имеется, так давайте забудем о некоторых противоречиях, согласимся с Нестором и объявим «годом основания» 852-й. Почему бы и нет?

А потому, возразят мне, что очень многие серьезные ученые дяди считают летописного правителя Ладоги и предшественника Рюрика Гостомысла вымыслом. Ведь в самом древнем (XII веке) списке летописи его нет, а появляется он лишь в документах XV века. Кстати, «призывателем» варягов Гостомысла именуют в еще более поздних источниках.

Однако можно ли считать истинно верным самый старый документ только потому, что он — самый старый?

Между веком девятым и двенадцатым — триста лет. И лично присутствовать при событиях того времени не мог ни сам летописец, ни его предки минимум до десятого колена. А если допустить, что легендарный Нестор пользовался более древними документами, то почему не сделать аналогичное допущение и для хронистов века пятнадцатого?

А если предположить, что создатель ПВЛ, описывая приход варягов, опирался исключительно на сказания и предания, то и существование Рюрика следует взять под сомнение, не говоря уж о точности датировки.

История — занятная наука. Она как квантовая физика. Частенько вместо конкретного факта-точки мы имеем некий «вероятностный отрезок», в который укладываются все более-менее достоверные сведения. Наша задача — определить границы этого отрезка, а также изучить и проанализировать то, что оказалось внутри. Что мы только что и проделали. Изучили. Проанализировали. Сделали вывод: никаких истори-

чески обоснованных «преимуществ» у года 862-го перед годом 852-м не имеется. Но, изучая прошлое, не следует забывать о настоящем, потому что оно, настоящее, не только результат прошлого, но и самый заинтересованный его... Как бы так помягче выразиться... Интерпретатор.

Итак, какой у нас нынче год? 2012-й.

Вот оно, заветное главное условие. Вот где, как выражаются кладоискатели, собака зарыта! Надо, чтобы дата для общероссийского праздника «основателя» получилась покруглее. Даешь 1150-летие Руси!

Нет, я не против праздников и юбилеев. Лишний раз вспомнить старину, пусть даже и чуток подправленную и приукрашенную, дело доброе.

Обидно другое. Год 2012-й пройдет (в общий абзац, предсказанный майя-поклонниками, я как-то не верю), а официальная передача лавров основателя русского государства Рюрику останется. Войдет в учебники и лекции университетских историков, которым звания и гранты дороже истины. И будет так. Будет запечатлено навеки в сознании российского народа: именно варяг Рюрик создал государство Российское.

При всем моем уважении к скандинавским конунгам, к викингам, варягам и Рюрику в частности, создание государства — это не захват и «постановка на дань» коренных обитателей местности, где «прежде были словене». Да и взятие под контроль не слишком большой территории с городом Новгородом в центре никак нельзя считать основанием будущей великой империи. Тот же князь Олег — куда более масштабный устроитель. Это ведь он прошел победоносно от Новгорода до Константинополя, попутно подмяв под

колени и Киев. Именно Олег собрал и подчинил себе многочисленные племена, отметил в зарубежных хрониках и заключил договор с главным торговым партнером Древней Руси Византией, то есть заложил будущего государства основу.

Что ж, с этим я бы согласился. С «основой». Но не более.

Потому что одной силы для создания государства — недостаточно. Проходят годы, а то и десятилетия — и захватчики растворяются среди коренного населения и становятся одним из населяющих территорию племен.

Для создания настоящего государства нужен стержень. Культурный, духовный, единый для всех входящих в пределы державы племен. Четкий вектор, ведущий державу в будущее.

И создал его не Олег, и уж тем более не Рюрик, а тот, кому по праву принадлежит звание создателя русского государства. Тот, кого ради «одноразового» юбилея пытаются спрятать в тени его героического (кто спорит!) прадеда Рюрика. Великий князь киевский Владимир. Вот первый кесарь-государь русский!

Чем больше я изучаю личность Владимира, его историю, его деяния, тем яснее осознаю масштаб этого потрясающего человека.

Признаюсь, когда-то он казался мне другим. После свершений его отца Святослава, величайшего полководца, покорителя царств, Владимир выглядел князем так себе. Братоубийца, который сначала ставил кумиров, потом их жег. Человек, который, если верить ПВЛ, «продал» византийскому императору собственных воинов... Князь, наплодивший сыновей и не по-

заботившийся о нормальном престолонаследии. Неважный правитель, плохой отец (как-никак, против него восстал собственный сын Ярослав), единственным достоинством которого можно считать Крещение Руси...

Но достоинство ли это? Стоит сравнить его методы (описанные в различных вариантах летописей) с методами княгини Ольги, тоже христианки и весьма прогрессивной правительницы, и возникает вполне справедливое сомнение... Нет, не в том, что сделал Владимир... В том, как он это сделал.

А что было бы, если бы победил не Владимир, а Ярополк? Может, убитый брат справился бы с духовным обращением Руси не хуже, а лучше?

Нормальный вопрос для того, кто пытается понять исторические процессы, какое бы время он ни изучал.

Например, что было бы, если бы в противостоянии Петр Первый — царица Софья победила последняя? И процесс европеизации России, процесс неизбежный и закономерный, проводился не склонным к паранойе и крайностям Петром, а этой неглупой женщиной, имевшей куда больше прав на престол, чем, например, будущая императрица Анна Иоанновна? И был бы тогда сей переход более успешным, продолжившимся в потомках, и уж точно куда менее кровавым...

Замечательный повод для писателя-альтернативщика поупражнять фантазию. Но писателю-историку подобные допуски делать не подобает.

Их много, критических временных точек, когда те или иные правители-победители поворачивали развитие своих государств и народов.

А если бы на их месте были другие, проигравшие...

Но они проиграли. Точка. Госпожа История, как очень мудро замечено, «не терпит сослагательного наклонения».

Зато ее можно переписать. И не в художественной литературе, а по-настоящему, «по-научному». В угоду политической конъюнктуре, ради очередного научного звания... Или нечаянно — из-за собственного невежества или острого желания, чтоб всё было именно так.

Никто не может заглянуть в прошлое.

Зато любой может, изучив факты, материалы, сопоставив достоверность тех или иных источников, прийти к определенным выводам... нет, не единственно верным (не точка — отрезок, а еще точнее — территория вероятности), но куда более точным и справедливым по отношению к ее, Истории, героям.

И изменить собственное мнение, если факты противоречат тому образу, который возник и устоялся в сознании...

Всё, что было сделано Владимиром Святославовичем со дня его вокняжения в Киеве, — сделано во благо будущего государства. Даже разрушение церквей и устройство капищ есть не что иное, как попытка создания того самого «внутреннего стержня». А то, что случилось потом: превращение языческого князя Владимира во Владимира Святого — это Чудо. Знак Свыше. Знак Избранности. И царская корона, увенчавшая голову Владимира, женившегося на дочери и сестре императоров Византии Анне, которую прежде пытались сосватать и французский король, и германский император, — справедливая награда за то, что свершил сын великого Святослава. А те, кто упрекал и упрекает Владимира в жестокости... Им я предлагаю сравнить деяния его с методами насаждения Истинной Веры,

которые использовали владыки-современники великого князя киевского. И вспомнить, что сила — самый действенный аргумент для тех, кто поклоняется идолам.

И еще. Я не рискнул вести повествование от имени главного ее героя, Владимира Святославовича. И вновь воспользовался приемом, какой использовал в начале своей «варяжской истории», — перенес в центр повествования моего «сквозного» героя — боярина Серегея. Мне так проще, потому что очень трудно, практически невозможно точно воссоздать образ мыслей человека десятого столетия, да еще такого, как Владимир Святой, отталкиваясь от единственного созданного им документа.

Так что говорить в этой книге будет не ее литературный герой, а подлинные дела героя исторического. А уж остальное вы, мои уважаемые читатели, домыслите сами.

ПРОЛОГ

«Я, воевода великого князя Владимира Киевского, боярин Сергей, видел это. Я видел начало новой эпохи. Я видел, как страшный и грозный бог моего князя, бог его отца, деда и всех его пращуров, родовой бог всех варягов Перун Молниерукий, бог, с чьим именем на устах мы все сражались, убивали и умирали, бог, которым мы клялись, уплывал вниз по реке, навсегда покидая стольный град Киев.

Я видел, как слезы текли по щекам варягов. Слезы текли и по моим щекам. Я никогда не считал Перуна величайшим из богов, хотя моя вера в Спасителя не мешала мне чувствовать мощь варяжского бога.

Но не с Перуном прощался я в тот день.

Я прощался с эпохой.

Время старых богов истекло.

Так должно.

Однако лучшие мои годы пришлись на это время, в которое забросила... нет, которое подарила мне Судьба. Или чудо. И в тот день, увлекаемый днепровским течением, уходил не только Перун. Сопровождаемое парой боевых лодий со знаменами великого князя, уходило славное время варяжского братства, время языческих празднеств, грешных и веселых... Вниз по

зеленой днепровской воде уплывало оно к острову Хорса, чтобы встать там навсегда. Уже не богом, а всего лишь памятником былой славы ушедших в Ирий отцов и дедов. Там, на острове Хорса, погиб великий Святослав. Там должен был навсегда остаться и я, его воевода, но Бог и любовь сотворили еще одно чудо, и тогда, в последнем бою Святослава, погибло лишь мое прошлое: тот Сергей Духарев, который родился в двадцатом веке. А я, воевода Серегей, спафарий Сергей Иоанн, Сёрки-ярл из Гардарики, Зергиус, Серхи (и еще полдюжины имен с подобающими моему чину и положению приставками), этот я — жив, в свои шестьдесят девять лет еще достаточно силен, чтобы послать стрелу из степного лука и снести ударом клинка вражью голову. Это и есть я, а того, кто навсегда остался по ту сторону Кромки... или Вечности, его мне не жаль. Пусть он еще не родился, но его время иссякло. А мое, надеюсь, продолжится достаточно, чтоб увидеть, как мои внуки поведут на рать собственные дружины. И боевой клич “Русь!” станет не менее грозен и славен, чем клич “Перун!”. Будут еще битвы, будет кровь и смерть... Но больше никто не умрет у черных от старой крови деревянных ног идола лишь потому, что таков был жребий. Ни один человек, свободный или холоп, мужчина или женщина, старик или ребенок, не расстанется с жизнью, чтобы Сварог, Дажьбог, Стрибог или иной кровожадный языческий демон не осерчал на своих почитателей. Теперь на этой земле один Бог и одна Вера, и я не сомневаюсь, что мой князь будет тверд в ее насаждении, потому что знаю — он Верит. А если сын великого Святослава во что-то уверовал, остановить его может только смерть.

А уж мы, его ближники, позаботимся о том, чтобы Владимира не постигла участь отца...»

Тут пальцы воеводы слишком сильно надавили на перо, и оно сломалось, оставив на пергаменте неряшливую кляксу.

Не было у боярина Серегея привычки писать самому. Для деловой переписки у него имелся писарь, владеющий латынью и прочими европейскими языками. Был еще один, каллиграф, — для писем в Византию... Но это было — личное. И писал боярин-воевода на русском языке, изрядно отличающемся от словенского письма, коим пользовались в Булгарии и в Моравии, пока Великое княжество Моравское не разодрали на куски угры, чехи и ляхи.

Воевода положил сломанное перо, пошевелил задубевшими с непривычки пальцами и задумался. О тех временах, когда великий князь Владимир Святославович, надежда и оплот тех, кто мазал кровью губы идолов, вступил на путь, который и привел его к Вере.

Часть первая

КАНУН
НОВОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА 1

Добрые и дурные вести

Киев. 985 год

Всю ночь выюжило, но ближе к рассвету ветер утих, потеплело и повалил такой снег, что всё обширное подворье боярина-воеводы Серегея покрыло белой пуховиной. И вдруг снегопад прекратился, будто отрезало, выглянуло солнце, мир стал чудесен, будто детская сказка.

Воевода вышел на крыльцо с первым лучом и засмеялся от дивной красоты. Скинул нательную рубаху и прямо с крыльца сиганул в сугроб. Эх, славно!

Вывалявшись вдосталь, поднялся, огромный, красный, счастливый, облепленный белым снежком, вдохнул полной грудью и выдохнул варяжский боевой клич: жуткий вой, от которого вороны с карканьем сорвались с дерева и мишка-привратник, полторагодовалый зверь, взятый вместо прежнего, старого, вскочил на ноги и недовольно заревел. Тут же залаяли псы на соседних подворьях, а свои сторожевые изумленно уставились на хозяина: чё это с ним?

Трудившаяся спозаранку дворня тоже отреагировала на клич. Два холопа, разбиравшие дровишки, аж

присели, а взбегавшая на крыльцо девка так и обмерла. Чуть не уронила глечик с парным молоком...

Тут же из длинного дружинного дома, будто только и ждали, толкаясь и гогоча, вывалили гридни и отроки. Полуголые, здоровенные, счастливые от избытка силы... Кто-то немедленно взвыл по-варяжски, остальные поддержали...

На крыльце появилась очень недовольная боярыня Сладислава.

Но поглядела на счастливого мужа и тоже заулыбалась.

Однако на гридней прикрикнула:

— Что девок пугаете? Не в поле, чай!

Парни засмутились, вспомнили о почтении, поклонились в пояс: сначала боярыне, а только потом — батьке-воеводе.

Чем еще больше развеселили Сергея. Его всегда забавляло, что и челядь, и гридь боятся его малышки-жены более, чем своего батьки.

— Шел бы ты в дом, муж, — сказала Сладислава. — Не по годам тебе — голым на морозе.

— Да разве ж это мороз? — удивился Сергей. — Вот на Белозерье да, мороз! А здесь не зима, а баловство одно! Такой снег, Сладушка! Озимым — самое то! Радоваться надо!

И стремительным броском взлетел на крыльцо, подхватил жену и прыгнул в сугроб уже вместе с ней.

— Пусти, медведь! Сдурел?

Сергей понял, что Сладислава рассердилась всерьез, коли ругает его, да еще — при посторонних, тотчас поставил жену обратно на крыльцо, взялся отряхивать от снега...

— В дом иди... баловник! — От его покаянного вида гнев боярыни прошел, и она вдруг заулыбалась, потому что это счастье, когда с тобой рядом — муж, любимый, сильный... Живой.

Гридь, уже забыв о выговоре, всю возилась в снегу: боролись, кидались снежками... Большинство — с севера. Снежок им — в удовольствие. Холод — бодрит. Пробежаться босиком по пороше километров этак пять — запросто.

Воевода вошел в дом, где ему тут же заботливо накинули на плечи корзно-плащ, а Сладислава, не дожидаясь, пока другая девка перьевой метелочкой очистит ее одежду от снега, кликнула старшего над дворовыми и приказала строго: как только мужнины вои отбалуют — снег со двора прибрать дочиста. А то такая грязюка разведется...

Затем сошла с крылечка и двинулась в обычный утренний обход: по многочисленным дворовым постройкам — проверять, все ли трудятся, не завелись ли бездельники? Холопы — они такие. Чуть попустишь — и потом только поркой характер поправить можно.

Из флигеля, дружной парочкой, вышли почтенные седовласые мужи: Рёрах и Артак. Старый варяг, одноногий и одноглазый, холода не боялся ничуть — в одной нательной рубахе с богатой обережной вышивкой и в синих штанах из тонкой шерсти. Рёрах вежливо поклонился боярыне, и та ответила ему еще более низким поклоном. Пестуна своего мужа она почитала выше себя.

Закутанный в меха, но все равно зябнувший парс Артак кланяться в пояс не стал. Лишь кивнул:

— Доброе утро, госпожа моя!

— И тебе добра! Велю получше печь растопить. Вижу — мерзнешь.

— Благодарю за заботу! Старость не делает кровь горячее.

Рёрах хмыкнул. Он был намного старше парса, но на холод не жаловался. Ну да он и родился на севере, у Балтийского моря, а парс — на земле иранской, где снег бывает только высоко в горах.

— Стол накрыт в трапезной, окажите милость — откушайте, — ласково проговорила Сладислава.

— Благодарим сердечно, хозяйюшка, — вежливо отозвались оба.

Варяг и парс несколько не сомневались, что завтрак их ждет. Но им было в радость проявить уважение боярыне. Так же как и ей — им. Родные, чай. А после того, как втроем выхаживали воеводу от страшных ран, полученных на острове Хорса в последнем бою князя Святослава, меж ними, столь разными, установилась такая прочная связь, какая редко бывает и у кровных родичей.

Сладислава двинулась дальше, аккуратно, чтоб не зачерпнуть снег, приминая сугроб желтыми сафьяновыми сапожками, отороченными мехом и украшенными жемчугом, а деды двинулись к крыльцу, чтобы составить компанию боярину-воеводе. Кроме них нынче — некому. Старший сын князь-воеводы Артём — в своей вотчине, Угличе, Богуслав — в дальнем походе, приемный сын Илья гостит у Стемида Большого, князя белозерского, а дочь Дана — в Тматорокани, с мужем Монахом.

Нельзя сказать, что большой дом князь-воеводы опустел. Что ни день — гости, свои и заморские. На

подворье — тридцать три дружинника и вдвое больше челяди...

Да только завтракать хозяин любит с теми, кого почитает ровней. А таких дома четверо: Рёрах, Артак да сам воевода. Ну и Сладислава, конечно, хотя она давно уж позавтракала. Ее день начинается затемно.

— Воевода, к тебе ромей! — Отрок из ближней дружины, беспардонно ввалившийся в горницу, заставил Духарева отвлечься от письма. А письмо между тем было весьма интересное — от сына Богуслава.

Проделав далекий трехмесячный путь аж из самого Багдада, послание оказалось в руках боярина только вчера. Булгарский купец доставил. Однако сразу читать его Сергей не стал. Вскрыл, убедился, что написано сыном собственноручно, сообщил об этом жене — и отложил удовольствие на утро.

— Пусть ромей подождет, — недовольно проворчал воевода.

И вернулся к чтению. Письмо было почти сплошь позитивное. Богуслав сумел отыскать в Багдаде нужных людей, установил деловые контакты.

Вообще-то предполагалось, что Богуслав не поедет дальше Шемахи, но выяснилось, что почтенный булгарский лекарь и ученый Юсуф ибн Сулейман направляется именно в Багдад и там у него вроде бы неплохие связи. Поразмыслив, Богуслав решил, что стоит продолжить путь. И не ошибся. Булгарский ученый действительно пользовался в Багдаде известностью. Богуслав арендовал дом, в котором поселился вместе с Юсуфом, — и опять не прогадал. О русах в столице халифата тоже знали: торговали уж лет сто, не меньше. Но инициатива всегда исходила от арабов, и арабские

купцы были не склонны пускать конкурентов в собственный огород. Однако не купцы были главными в Багдаде. Даже те из них, кто отважно пускался в столь далекий путь.

Уже на третий день после того, как Богуслав поселился в Багдаде, его дом посетили несколько ученых мужей весьма серьезного уровня. Беседовали на арабском, но Богуслав многое понимал, потому что уже успел прилично овладеть и этим языком. Равно как и Лучинка. Они очень старались, ведь арабский был «базовым» научным языком Востока. Примерно как латынь — на Западе.

Само собой, Лучинку к непосредственной беседе не допустили. Не те здесь законы. Зато разрешили побыть за занавеской и даже ответить на пару-тройку вопросов.

Следующее научное собрание прошло в расширенном составе...

Так и повелось. Богуслав готовил угощение, а ученые мужи вкушали яства, потребляли шербет и обменивались мудростью. Расспрашивали и Богуслава. О жизни и нравах русов и варягов в Багдаде истории ходили самые экзотические. Еще ученых мужей (а по совместительству — советников власть имущих) весьма интересовал пришедший в упадок Хузарский хаканат. Кое-кто в арабском мире был совсем не прочь прибрать к рукам богатые и выгодно расположенные земли. Впрочем, Богуслав об этом интересе ведал и раньше. Еще он понимал: у арабов — получится. Отец в свое время объяснил и обосновал: русам весь хаканат не удержать. Хорошо, если удастся сохранить за собой хотя бы треть. По-любому, Каспий для Руси потерян. Владимир — не Святослав.

Богуслав на вопросы отвечал охотно и почти честно. В итоге заручился доверием и поддержкой весомых в «правительстве» людей. И получил «добро» на основание собственного представительства в Багдаде. С серьезными таможенными льготами.

Само собой — не бесплатно. Золотишка занести пришлось изрядно. И наличкой, и «чеками». Но дело сделано.

Пока «подворье» торгового дома «Духарев и семья» пришлось укомплектовать почти исключительно местным контингентом. Богуслав оставил для надзора парочку своих (больше и не было), выкупил дом, в котором жил все это время, и отдал часть его в распоряжение Юсуфа ибн Сулеймана. Тот был весьма признателен и пообещал присмотреть за тем, чтобы русов не обижали. Авторитет Юсуфа в Багдаде весьма приподнялся, когда он вылечил одну из жен халифа от какой-то застарелой болячки.

«Готовь, батя, большой караван, — писал сын. — Грамоты нужные и подорожные я привезу».

В обратный путь Богуслав тоже собирался не по-рожняком, а с неслабым обозом.

Об этом Духарев догадался, прочитав о том, что сын намерен нанять дополнительную охрану из местных. Если уж самого Богуслава и одиннадцати дружинников для обороны недостаточно, значит, товар они повезут недешевый.

Ответ писать смысла не было. Да и куда? Сейчас Богуслав и его спутники уже в пути и скорее всего уже движутся по берегу Каспийского, вернее, Хвалынского моря.

Сергей свернул письмо и уложил в футляр.

Молодец, сын! Конечно, Богуслав не с пустыми руками шел. Были деньги, была кое-какая инфор-

мация о полезных людях в халифате, почерпнутая из «библиотеки» хузарского хакана Йосыпа, доставшейся Сергею как доля добычи во время захвата Итиля. Тем не менее задача была — труднейшая. Переговоры на чужой земле — это не мечом рубать. Тут соображать надо.

Вот и ладно. А теперь можно и поглядеть, что за ромей пожаловал на боярское подворье с утра пораньше.

Ромей, которого Сергей заставил дожидаться в «предбаннике», оказался не простым. Аж целым главой киевской византийской общины.

Звали его Кирилл Спат. Человек формально торговый, но, судя по некоторым деталям, с немалым военным опытом. Ну и шпион, разумеется. Вернее, резидент.

К Духареву он проявил почтение. Поклонился низенько: младший — старшему.

Не потому, что Сергей — воевода, боярин и ближний княжий, — для природного ромея все русы: хоть боярин, хоть смерд — дикие скифы. Не боярину Сергею кланялся ромей — спафарию Сергию. Спафарий — серьезный титул в империи¹. С кучей прав и даже ежегодным пожалованием от двора. Хотя пожалование — тьфу! — в сравнении с теми бабками, которые стоил сам титул.

Первым его прикупил Мышата. Ему обошлось дешевле, потому что он и во дворец был вхож, и весьма полезным считался. Даже с самим паракимоме-

¹ Титул третьего класса. Если пользоваться аналогиями Российской империи — что-то между военным и статским советником.

ном¹ «премьер-министром» Василием, всевластным константинопольским евнухом, был общения удостоен. Однако титул спафария по наследству не передается даже сыновьям. В отличие от имущества. Которое хоть и передается (после уплаты соответствующего налога), но уже без добытых прежним владельцем налоговых льгот и прочих привилегий. Так что и с имуществом (и немалым) сразу возникли бы проблемы, не купи Сергей титул. Это как в России в бандитские времена: купил автомобиль «не по чину», придут конкретные пацаны и отнимут. Так что — пришлось. Зато спафарию Сергию «дом на набережной» в Константинополе, изрядное поместье на морском побережье, сады, виноградники, оливковые рощи и прочие материальные ценности — в самый раз.

В поместье Духарев старался без нужды не задерживаться. Мраморные колонны, мраморная ванна, полы с подогревом, банька с тремя бассейнами, горячая вода, само собой... А уж кушанья какие изысканные!

Слишком большое искушение. Роскошь такая штука: только привыкни — и попал. И за меньшее люди от родных пажитей уходили.

В трудные времена, когда Владимир только-только вокняжился в Киеве, была у Сергея такая мысль... Но — отбросил. Во-первых, есть такое слово — Родина. Во-вторых, здесь, в Киеве, Сергей — величина. Воевода Святослава, боярин Ярополка, отец славных сыновей и богач изрядный. Его подворье на Горе — втрое против соседних.

Пожелай кто худое ему сделать — кровью умоется. Да и не рискнет никто.

¹ Паракимомен — личный постельничий императора. Высший из императорских приближенных-евнухов.

А что в Византии? Там любой человек, хоть благородный патрикий, хоть домашний схол¹ по произволу императора в любой момент может оказаться в темнице. Был бы повод. Излишнее на взгляд Автократора богатство, к примеру.

Опять-таки интриги, омерзительные евнухи, унижительные церемониалы... Византия, одним словом.

Однако сейчас уважаемый представитель величайшей из империй десятого века Кирилл Спат стоял перед воеводой и, судя по роже, явно чего-то хотел.

Однако воспитанный человек никогда не станет так сразу говорить о деле. Потому сначала Сергей пригласил его к столу, велел подать вина, выдержанного, болгарского, к вину свежего сыра, орешков на меду. Справился: не обижают ли ромеев в Киеве, удачна ли торговля?

Кирилл отвечал степенно, солидно и на языке русов, которым владел в совершенстве. Сам тоже интересовался: здоровьем, семьей, делами...

Лишь через полчаса, выкушав пол-литра вина, перешел к делу.

— Господин мой светлейший Сергей, известно ли тебе, что сюда направляется личный посол Богопочитаемого Автократора нашего Василия Второго? — поинтересовался он по-ромейски².

Вот ведь сюрприз!

— И какова же причина этого посольства в столь неурочное время? — задал он встречный вопрос.

Время и впрямь выбрано не самое лучшее. Зима.

Это для северян мороз — друг. Болота замерзают,

¹ Командующий армией.

² То бишь на византийском варианте греческого.

реки встают. Садись на санки да погоняй. А что холодно, так и против холода есть средства.

А вот теплолюбивым ромеям добрый морозец — ворог лютый.

— Причина мне неизвестна, — уклонился от ответа ромей.

Духарев поглядел на него внимательно... Знает, сучонок. Точно, знает. Ну да и Сергей догадывается. Если что и может экстренно понадобится василевсу от русов, так это сами русы. Бронные и оружные. И почему он ко мне прискакал, а не к князю — тоже ясно. Поможет князь — будет посол князю должен. А Сергей — спафарий. Помогать императорскому посланцу — его долг перед императором. Но это там, в империи, — долг. А здесь... всё сложно.

Так что же там, в Византии, приключилось? Последняя информация, которую ему принесла в клювике разведка: поднявший восстание против императора Василия Второго Склир вдребезги разбит полководцем императора Бардом Фокой. Племянником, кстати, убитого Цимисхием императора Никифора.

Императоров-Автократоров Византия меняла как модница — перчатки. Удачливый полководец Никифор Фока прикончил императора Романа Второго. Никифора, в свою очередь, отправил к предкам еще более удачливый полководец Иоанн Цимисхий. Нынешний император Василий Второй никого собственноручно не убивал, однако можно предположить, что Иоанн Цимисхий тоже умер не от болезни, а от пищевой добавки, несовместимой с жизнью. Кто заказчик — очевидно. Тот же внебрачный сын еще одного императора-узурпатора Романа Ла-